

Требовательная любовь

(Окончание.)

Начало на 3-й стр.)

сейчас можно только присоединиться к добрым отзывам. Новое творчески осмыслил традиции и приемы многочисленных сценических «поэтизм» по этой роли и в то же время проявил свое индивидуальное дарование. Его Отелло полон гордого достоинства перед судом сенаторов, а в других сценах — то мужествен и обаятелен, то глубоко и искренне страдает...

Но при всей значимости главного образа трагедия «Отелло» — это не спектакль одного актера. Шекспировская тема измывается потому, что исполнитель роли беспокойного мавра почти не сталкивается на сцене с достойными партнерами, с актерами, которые бы с такой же тонкостью и мастерством раскрыли черты характера других героев.

Оговоримся: в спектакле есть еще некоторые актерские удачи (Л. Лунева в роли Эмилии, П. Сидоров в небольшой роли сенатора Бранцио, отца Деямоны), но подбор многих других исполнителей и трактовку ими шекспировских образов невозможно признать верными.

...В искусстве известны случаи, когда дарование молодого актера или актрисы сразу же привлекает внимание, оно словно вспыхивает ярким негасимым пламенем. Еще чаще, характернее другие случаи: дарование развивается, постепенно, исподволь, медленно, но верно, от маленьких эпизодических ролей к большим и сложным, при этом преодолеваются неизбежные трудности роста. Попешные «скачки» и «взлеты» сплошь и рядом не приносят сценической молодежи ничего, кроме вреда, порождают ненужные иллюзии.

Вовсе не трудно убедиться в том, что дарование молодой актрисы М. Галенко, пришедшей на профессиональную сцену, из самостоятельности, развивается по второму варианту. И приходится признать: актриса не подготовилась к сложнейшей роли Деямоны всей своей предшествующей работой в театре, она совершила неоправданный, преждевременный «скачок». М. Галенко не лишена обаяния молодости, она в основном грамотно и четко читает стихи (хотя нередко нараспев, прибегая к сентиментальной мелодекламации). Но актрисе пока не хватает внутреннего «огня», она не раскрывает всю психологическую гам-

му переживаний Деямоны. Нет, перед нами не мужественная воительница и в то же время нежная подруга, подлюбившая беспокойного мавра «за муку!» Актриса нередко лишь декламирует и декларирует свои переживания, не подкрепляя их всей силой души, непреклонной убежденностью. Например, в предфинальной сцене, когда Эмилия (арт. Л. Лунева) оправдывает и прославляет порок Деямоны — Галенко, олицетворяющая и отстаивающая благородство, чистоту, добродетель, пребывает, мягко говоря, в весьма пассивной обороне. В моральном поединке побеждает, как ни странно, порок. Это, разумеется, не отвечает замыслу драматурга и не выдерживает сравнения с трактовкой той же сцены в других советских театрах. К слову сказать, Лунева — Эмилия вовсе не переигрывает, она лишь с профессиональной зрелостью «вживается» в образ. Именно этой зрелости пока не хватает Галенко — Деямоны.

Актер В. Цапаев, хорошо рекомендовавший себя в «Ленинградском проспекте» и в «Четвертом», на этот раз, к сожалению, не создал правдивый, впечатляющий образ Яго. Это не ловкий, изощренный мастер лжи и провокаций, носитель хищного эгоизма, порожденного буржуазной моралью, а тяжеловесный, прямолинейный злодей. Трактовка образа лишена художественной убедительности.

Высказанные здесь суждения продиктованы доброжелательной, требовательной любовью к театру. Видимо, актеру поручена роль не в его плане, и В. Цапаев, как мы надеемся, еще порадует зрителей в новых спектаклях, проявит свое мастерство.

Когда внимательно наблюдаешь за игрой актера А. Юрьева в роли Кассио, трудно отделаться от впечатления, что он лишь сменил пиджачок студента или инженера из современной «бытовой» пьесы на одеяние и доспехи боевого офицера. Он не переселился в далекую эпоху, чтобы жить в ней естественно и полноправно, а легло и беззаботно, одним коротеньким прыжком «проскочил» в эту эпоху... Актер переоделся, но отнюдь не перевоплотился. А ведь он, мы думаем, способен на перевоплощение без которого немислимо сценическое мастерство! К то-

му же А. Юрьев нередко не чувствует ритмично Шекспировского стиха, произносит его, как прозу.

Нельзя не отметить, что все эти промахи объясняются нетребовательностью режиссера-постановщика Л. Щеглова, тем более досадной, что он же проявил себя в театре как опытный мастер, обладающий здоровым чутьем и вкусом.

Вызывают огорчение и массовые сцены. Перед нами то и дело мелькают не доблестные солдаты из шекспировской пьесы, а какие-то разболтанные персонажи, чувствующие себя стесненно и неуклюже в мундирах с «чужого плеча». Некоторые не умеют даже носить плащи и выглядят в них карикатурно.

Все сказанное объясняет причины общей огорчительной, неудачи спектакля.

К сожалению, у нас нет возможности подробно охарактеризовать другой возобновленный спектакль — «Волки и овцы» по пьесе А. Островского. В самом коллективе театра признают, что он возобновлен на крайне низком уровне. Исполнители ролей Мурзавецкого, Кулаиной и некоторых других увлеклись лишь внешними деталями, не проникнув в социальное и психологическое существо пьесы. Об оформлении спектакля и говорить неприятно; декорации до того обветшали, что, кажется, вот-вот развалятся и рухнут...

Оба упомянутые здесь спектакля — «Отелло» и «Волки и овцы» — руководство театра собиралось показать во время гастролей в Донбассе, пред'явить их там как «визитную карточку» искусства Кузбасса. Гастроли не состоялись, и уместно вспомнить поговорку: нет худа без добра...

Позволительно спросить: имело ли смысл возобновлять на таком уровне упомянутые спектакли, а также некоторые другие — «Северную Мадонну» по пьесе братьев Тур, «Нафту» по пьесе местного драматурга Т. Ян? Ведь «Нафту», на возобновление которой затрачено много времени, сил и средств, театр показал в этом году всего лишь один раз. «Северной Мадонне» повезло несколько больше, но и она редко упоминается в афишах.

Спектакль «Третья голова» (по пьесе Марселя Эмэ) и раньше подвергался критике, а теперь, после ряда актерских замен, этот спектакль, по признанию режиссера-постановщи-

ца П. Сидорова, «становится все хуже и хуже».

Не рискуя часто показывать возобновленные спектакли, руководители театра много раз предлагали вниманию взрослых в вечерние часы негложкой, но предвзвешенной для детей младшего и среднего возраста спектакль «Том — большое сердце».

Иногда применительно к некоторым произведениям драматургии (например, к пьесам В. Розова), не следует устанавливать возрастные грани для зрителей, но в данном случае они совершенно очевидны и бесспорны.

Почему же нынешний сезон был столь «неурожайным» на премьеры? Не лучше ли было вместо затраты времени и сил на не оправдавшее себя возобновление старых спектаклей осуществлять постановки нескольких новых пьес?

Отвечая на эти вопросы, главный режиссер театра Л. Щеглов обычно ссылается на объективные трудности: затянувшееся строительство нового здания театра, несостоявшиеся зимние гастроли...

Несостоятельные доводы! Трудности существуют, но ими невозможно оправдать творческие промахи и просчеты.

Это со всей убедительностью показало состоявшееся недавно производственное совещание коллектива театра. С горечью и болью душевной говорила актриса Лунева про «мартышкин труд», затраченный на возобновление не пользующихся успехом и редко показываемых зрителям спектаклей. Эту же мысль по-разному высказывали и другие. Во всех без исключения выступлениях прозвучала острая неудовлетворенность положением, создавшимся в театре. Ведущий актер Ионов говорил о «множестве ошибок, допущенных руководством», режиссер тов. Подервянский «о произвале в творческом производстве»... Критические страсти разгорелись, несмотря на то, что главный режиссер выступил с «обтекаемым» докладом, в котором попытался пригладить и приукрасить положение. Надеемся, что он сделает разумные практические выводы из справедливой критики, прозвучавшей по его адресу.

Никто не отрицает некоторых организационных трудностей, строительство нового здания действительно затянулось, но суть дела не в здании, а в идейно-художественном уровне спектаклей. Это для театра «вопрос вопросов», в этом — главное. Добрая молва о спектаклях распространяется среди зрителей так же быстро, как и худая, и этого нельзя не учитывать.

М. ШЛИФЕР.